

**«Первая областническая сибирская поэма...»:
Алексей Ачаир, «Казачи» (1927)**

И. Е. Лоцилов^{1,2}, И. С. Полторацкий³

¹ *Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

² *Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия*

³ *Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Статья предвзряет републикацию поэмы харбинского поэта Алексея Ачаира (Грызова; 1896–1960) «Казачи», завершенной автором в ноябре 1927 г. Она была издана дважды в 1929 г. в труднодоступных для современного читателя изданиях: в двух выпусках сборника «Вольная Сибирь» (Прага) и в газете «Русское слово» (Харбин). Забытая поэма заслуживает внимания как случай раннего подражания поэмам Марины Цветаевой, в первую очередь «Крысолову», а также как развернутое сочинение, отражающее областнические умонастроения периода «бури и натиска» кружка «Молодая Чураевка», основателем и идеологом которого был ее автор. Кроме того, это самое большое по объему и самое значительное по масштабу сочинение Ачаира, единственная поэма, опубликованная при его жизни. Ачаир воспроизвел характерные приемы поэтики «большой формы» Цветаевой и попытался поставить их на службу задаче пропаганды сибирского областничества. Наряду с определившим художественный строй поэмы влиянием Цветаевой, в ней слышны и отголоски советской «левой», авангардной поэзии (Хлебников, Маяковский, Сельвинский), что делает мозаичным общее впечатление от поэмы.

Ключевые слова

Алексей Ачаир, литература эмиграции, литературные влияния, Марина Цветаева, поэма, русский Китай

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера».

Мы благодарим В. А. Росова (Москва) и Н. И. Левченко (Новосибирск) за консультации, предоставленные сведения и материалы.

Для цитирования

Лоцилов И. Е., Полторацкий И. С. «Первая областническая сибирская поэма...»: Алексей Ачаир, «Казачи» (1927) // Сюжетология и сюжетография. 2021. № 1. С. 281–337. DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-281-337

“The First Regional Siberian Poem...”: Alexey Achair, “Cossacks” (1927)

I. E. Loshchilov^{1,2}, I. S. Poltoratsky³

¹ *Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

² *Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation*

³ *Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article precedes the republishing of the poem of the Harbin poet Alexei Achair (Gryzov; 1896–1960) “Cossacks”, completed by the author at the end of 1927. It was published twice in 1929 in hard-to-reach publications for the modern reader: in two issues of the collection “Free Siberia” (Prague) and in the newspaper “Russian Word” (Harbin). The forgotten poem deserves attention as a case of early imitation of Marina Tsvetaeva’s poems, primarily the Pied Piper, and also as a detailed essay reflecting the regional mentality of the “storm and onslaught” period of the “Young Churaevka” circle. In addition, this is the largest in volume and the most significant in scale work of Achair, the only poem published during his lifetime. Achair reproduced the characteristic techniques of Tsvetaeva’s “big form” poetics and tried to put them at the service of the propaganda of Siberian regionalism. Along with Tsvetaeva, who determined the artistic structure of the poem, echoes of Soviet poetry (Khlebnikov, Mayakovsky, Selvinsky) are also heard, which makes the overall impression of the poem mosaic.

Keywords

Alexey Achair, literature of emigration, literary influences, Marina Tsvetaeva, poem, Russian China

Acknowledgments

Research is financially supported by the grant of Russian Science Foundation no. 19-18-00127 “Siberia and the Far East of the first half of the 20th century as a space for literary transfer”.

We thank V. A. Rosov (Moscow) and N. I. Levchenko (Novosibirsk) for advice, information and materials provided.

For citation

Loshchilov I. E., Poltoratsky I. S. “The First Regional Siberian Poem...”: Alexey Achair, “Cossacks” (1927). *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 1, p. 281–337. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-281-337

9 апреля 1928 г. поэт Алексей Ачаир (Алексей Алексеевич Грыззов; 1896–1960) писал из Харбина известному идеологу и деятелю сибирского областничества, редактору выходивших в 1927–1930 гг. в Праге сборников «Вольная Сибирь» Ивану Александровичу Якушеву (1884–1935):

Посылаю Вам с этим письмом свою поэму «Казачки». И большая к Вам просьба, посодействуйте мне. Она – первая областническая сибирская поэма. Нельзя ли её устроить в «Волну России» к июню месяцу – годовщине 1918–<19>28. Марина Цветаева в Праге? Быть может, Вы её ей покажете? Я не знаком с Цветаевой, но очень хотел бы с ней познакомиться. Её поэзия мне так близка. Сговоритесь с журналом

и о гонораре. Я буду Вам чрезвычайно признателен. Может быть, если эта вещь заслуживает внимания, её можно издать отдельным выпуском? И может быть с иллюстрациями... У Вас ведь есть сибирские казаки, они должны знать обстановку семиречья и станиц по линии...

Эта поэма – часть меня. В ней – моя вера в Сибирь и в сибиряков.

Передайте мой поклон всем сибирякам в Праге ¹.

Автор письма не знал, что Цветаева еще в 1925 г. переехала во Францию. Ни в журнале «Воля России», ни в виде отдельного издания поэма Ачаира не была выпущена, однако в 1929 г. Якушев напечатал ее в двух выпусках «общественно-литературного и экономического сборника» «Вольная Сибирь» [Ачаир, 1929]. Примерно тогда же поэма вышла еще раз, в харбинской газете «Русское слово» (выпуск от 15 мая 1929 г.) [Хроника..., 2001, с. 393]; в новейшие издания наследия поэта [Ачаир, 2004; 2009] она не включалась. Лишь в миниатюрном издании, посвященном Ачаиру, под заголовком ««Всеначального войска сибирского круг...» (Отрывки из поэмы “Казаки”») были воспроизведены фрагменты поэмы [Ачаир, 2013а, с. 154–174], по которым современный читатель может составить лишь приблизительное представление об этом сочинении.

Между тем полный текст поэмы представляет немалый интерес сразу в нескольких аспектах.

В первую очередь как случай раннего (можно сказать, оперативного) подражания большим поэмам Марины Цветаевой, имя которой упомянуто в письме к Якушеву отнюдь не случайно. Из ряда довольно многочисленных, как всегда в творчестве Ачаира, литературных влияний, стержневым в «Казаках», завершенных в середине ноября 1927 г., несомненно, является цветаевское. Во-первых, и в главных, это «Крысолов», публикация которого завершилась в начале 1926 г. («Воля России» (Прага), 1925, № 4, 5, 6, 7–8; 1926, № 1), и «Поэма лестницы» (там же, 1926, № 11). Видны также следы знакомства с ее сказочными поэмами, которые выходили в виде отдельных изданий: «Царь-девица» (М., 1922) и «Молодец» (Прага, 1924). Сегодняшний читатель «Казаков» в первую очередь вспомнит цветаевский «Перекоп»: обе поэмы посвящены событиям Гражданской войны (у Цветаевой в Крыму, у Ачаира – в Сибири), но говорить о влиянии было бы хронологической ошибкой: «Перекоп» был завершён 15 мая 1929 г. и не публиковался при жизни Цветаевой ².

Кроме того, дата завершения поэмы Ачаира – 14 ноября 1927 г. – близка ко времени создания «Молодой Чураевки». Литературный кружок, основанный Ачаиром в марте 1926 г., взял это название на собрании, состоявшемся в редакции «ХСМЛ журнала» 30 октября 1927 г. Поэма отражает умонастроения Ачаира

¹ ГАРФ. Ф. Р-5870. Оп. 1. Д. 156 (Общество Сибиряков в Чехословацкой республике. 1926–1935). Л. 19 – 19 об.

² Справедливо отметив цветаевское влияние в стихотворении Ачаира «Маслянице», напечатанном в харбинском журнале «Рубеж» в 1928 г., Л. А. Мнухин заблуждался, возводя строки из «Казаков» «Чагин?.. – Васька?.. Ты?.. / Владимир!..» к стихотворению Цветаевой «Советским вельможей...» из цикла «Маяковскому» («– Здорово, Сережа! / – Здорово, Володя!») [Мнухин, 2000, с. 294–295]: поэма Ачаира была написана и издана еще при жизни Маяковского, а цветаевский рекевием был напечатан в лишь в последнем (№ 11–12) выпуске журнала «Воля России» за 1930 г.

в период чураевского Sturm und Drang³, когда на платформе ХСМЛ³ он возводил причудливое сооружение из общеэмигрантского евразийства, сибирского областничества и «Живой Этики» Николая и Елены Рерихов (см: [Росов, 2009; 2018а; 2018в; 2018г; Забияко, 2007, с. 68–88; 2014, с. 249; Забияко, Крыжанская, 2010]).

Руководитель организации „костровых братьев“ А. А. Грызлов.

Фотография Алексея Ачаира из журнала «Рубеж» (Харбин),
1929, № 23 (72), 1 июня, с. 15

Photo of Alexey Achair from the magazine “Rubezh” (Harbin),
1929, no. 23 (72), June 1, p. 15

³ С 1924 г. Ачаир занимал пост старшего русского секретаря ХСМЛ (Христианский Союз Молодых Людей; то же, что YMCA – Young Men’s Christian Association [англ.]). В ведомственной справке, сохранившейся в деле Ачаира в Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), говорилось: «*Официальная деятельность ХСМЛ. ХСМЛ является мировой организацией, имеющей свои отделения почти во всех странах мира. Официально задачей ХСМЛ является воспитание молодого поколения в духе христианства и культурная помощь тем странам, на территории которых находится ХСМЛ <...> Истинная цель существования ХСМЛ. В Маньчжу Ди-Го ХСМЛ является американской организацией. Здесь он выполняет две задачи: пропагандирует идеи, необходимые для политики Америки; содействует шпионской работе Америки в крае*» [Забияко, 2007, с. 75–76]. Показательна эпиграмма «темного гения» «Молодой Чураевки», поэта Николая Петерца (1907–1944): «Вторники чураевские – гроб, / Где всегда прославленный в народе / Ачаир, американский поп, / Ныне областничество разводит» (цит. по: [Волин, 1997, с. 227]).

Наконец, поэма «Кзаки» важна для понимания литературного пути самого Ачаира. Это самое крупное по объему и значительное по масштабу замысла из дошедших до нас сочинений поэта, единственная подготовленная им к печати поэма⁴.

Благодаря протейскому характеру своей музыки Ачаир достаточно точно воспроизводит поверхностные черты организации текста цветаевского «Крысолова» (и еще не написанного «Перекопа»⁵), вплоть до графического оформления и пунктуационной бижутерии. Вместе с тем художественная природа «Крысолова», кажется, вовсе не учитывается им. Особенно наглядно это проявилось, например, в репликах рыночных зазывал из двух поэм; при внешнем сходстве «лирическая сатира» почти курьезным образом оборачивается евразийской или областнической идиллией:

– Ó – вощи да с гряды!
– Сó – вести для судьи!

Кур – ки-цесарки,
Невесты-перестарки,
Свежй, с постельки
Вдовицы-коротельки. <...>

Но – сы приплюснутые:
– Чего бы вкусенького?
Ла – дошки – ширмочками:
– Чего бы жиренького?
[Цветаева, 1997, с. 62];

⁴ Еще одна поэма, «Борис Савинков», была найдена и опубликована В. А. Росовым (см.: [Ачаир, 20136; Росов, 20186]); она отмечена определившим ее ритмико-интонационный строй влиянием Гумилева. Сохранившийся фрагмент его первой поэмы, «Огляда» (1922) [Ачаир, 2009, с. 368–372], свидетельствует о знакомстве автора с «Песней о Гайавате» в переводе Ивана Бунина. В письме к И. А. Якушеву от 15 марта 1930 г. Ачаир упоминал еще одно сочинение, не дошедшее до нас, как и многие другие, из-за драматических перипетий жизни поэта, относящееся к большой форме (поэма или цикл стихотворений): «Я хочу напечатать в “Воле России” мою полу-поэму: “Эй, люди!”, которую, м<жду> пр<очим>, я посвятил Марине Цветаевой» (ГАРФ. Ф. Р-5870. Оп. 1. Д. 156. Л. 37).

⁵ Говоря об «авторских интертекстах из “Крысолова”» в «Перекопе», О. Г. Ревзина писала: «Воздержимся от ответа на вопрос, насколько <...> переключка текстов двух поэм входила в сознательный замысел Цветаевой. Однако факт налицо: то, что на уровне внетекстовой действительности предстает как разное и оценивается по-разному, сквозь призму текста обнаруживает сходство» [Ревзина, 2009, с. 207–208]. Если сюжет в «Крысолове» поддерживается общеизвестной сказочной фабулой, то в «Перекопе» Цветаевой понадобилось обоснование последовательности глав в дневниковой природе их «первоисточника» («Последнего Перекопа не написала – потому что дневника уже не было, а сам перекопец <...> к Перекопу уже остыл» [Цветаева, 1997, с. 178]). Ачаир внедряет в художественную ткань «Кзаков» сюжет романного типа («роман в стихах»), однако в итоге читатель может составить лишь смутное представление об отношениях и перипетиях, связывающих персонажей: Владимира Чагина, Василия Ченцова, Любовь Сергеевну и Варвару. Любопытно, что открывают цветаевский «Перекоп» строки, отсылающие к сибирской памяти: «– Каб не чех! / – Каб не тиф! / Кто-то: – эх! / Кто-то: – жив // бы Колчак... / Солнцёпёк. / Солончак / Перекоп // Наш» [Там же, с. 148].

Татары,
базары,
цветные
шатры.
Палатки
и юрты,
и в юртах –
ковры.

Киргизы
и сарты,
и говор,
и спор.
И бег адъютанта,
и звяканье шпор...
[Ачаир, 1929, V, с. 19];

Поволжье и барки.
Товарки.
Сударки.
Пельмени горячи!
Пельмени горячи!

Самара. Сарепта.
Сарепта. Горчица.
А хлеб-то, а хлеб-то!..
Ползет, волочится...
[Там же, VI–VII, с. 34]

Важно помнить о мелодекламационной практике Ачаира, очаровывавшей современников, особенно молодежь. Приведем два мемуарных свидетельства, авторы которых приводят в качестве примеров именно фрагменты поэмы «Казакки»:

Инициатором Чураевки был молодой казачий офицер, белопоходник, Алексей Алексеевич Грызлов, писавший под псевдонимом Ачаир (Ачаир – сибирская станция, где он родился). Он был очень музыкален, сам подбирал к своим стихам музыку. Поэму «Казакки» он читал, аккомпанируя себе на рояли, легким задорным стаккато:

Стукоток стукоток
Топоток топоток
На восток...

В музыке, в стихах, которые, казалось, лязгали как копыта на мерзлом снегу, слышалась летевшая на конях, не покорившаяся красным, казачья Сибирь.

Всеволод Иванов, редактор большой газеты «Гун Бао», сам считавший себя поэтом, брюзжал:

– Язык дан человеку, чтобы выражать мысли, а не лязг копыт. <...>

Хрупкий, несмотря на свой высокий рост, белокурый и голубоглазый, типичный северянин, Ачаир мало напоминал сибирского казака – они большей частью коренастые, смуглые, черноволосые. Застенчив он был, как девушка, на эстраде Чураевки выступал не так часто, вероятно – из деликатности, чтобы не получалось, что «хозяину аплодируют в силу его хозяйского положения». Гораздо чаще слышала я его на других вечерах, куда его приглашали нарасхват [Крузенштерн-Петерец, 1968, с. 51];

Внешний облик поэта помню отлично. Это был довольно высокий, белолицый, очень мягкий, безусловно вежливый человек. Из-за какой-то контузии во время гражданской войны у него бегали глаза, и гимназисты тоже от него бегали, ибо не любили его многословных поучений о пользе добра.

Таким же – многословным, утомительным, но чистейшим человеком был Ачаир и в своих стихах, которые, впрочем, выигрывали при чтении их под аккомпанемент рояля. Ачаир сам подбирал к ним музыку, и завсегдатаи открытых вечеров Чураевки (по вторникам) очень любили его «Пичугу», «Тянь-Шань», «Стукоток-топоток» [Перелешин, 1972, с. 5]⁶.

У поэмы нашлись поклонники в эстетически относительно консервативной среде старых областников: «Известный государственный деятель, агроном и сибиряк И. К. Окулич <(1871–1949)>, проживавший в эмиграции в Канаде, отозвался на эту публикацию в письме к Якушеву от 21 декабря 1929 года: “Стихи Грызова удивительны. В первый момент кажутся набором слов, какой-то декаденщиной, а потом улавливаешь целую картину”» [Росов, 2018в, с. 85].

Газетные рецензенты были менее доброжелательны:

Что сказать о «Казаках» А. Ачаира, названных «поэмой». Написана она рваным стихом, искусственным и иногда искусным, но, в общем, это манера, и манера скучная. Но некоторые картинки, написанные мазками, вышли удачными из-под пера несомненно талантливому автору. Больше бы ему простоты, вместо погони за модернизмом [Могиланский, 1930, с. 6].

Парижский рецензент не удостоил поэму даже упоминанием имени ее автора⁷:

...невразумительная, шелкающая короткими строками, как горохом, длиннейшая поэма «Казаки», вольные упражнения по образцам Маяковского [К., 1930, с. 5].

«Возрождение» вообще выражало скепсис по поводу направления издания – в тоне, напоминающем литературную колонку Гулливера (общий псевдоним В. Ф. Ходасевича и Н. Н. Берберовой):

В Праге выходит на русском языке альманах или литературный сборник «Вольная Сибирь». Тон альманаху дают сибиряки-областники, требующие автономии или даже государственной самостоятельности. Так, некто г. Якушев пишет в последнем номере: «Сибирское областничество не предвещает вопроса о путях имперского строительства. Оно одинаково способно удовлетвориться и на путях сложного унитарного государства, с предоставлением Сибири автономии, как и на путях союзного государства, с предоставлением ей прав штата или частного государства. <...> Вот почему мы являемся не только республиканцами и демократами, но вместе с тем и федералистами. Ибо путь федерации дает все преимущества объединения национальностей и областей России, без тех недостатков централизованного, механического объединения, чем сильно страдала царская Россия, и о чем так много в свое время писали старые областники». Не знаем, от имени кого г. Якушев гово-

⁶ «Тянь-Шань», «Стукоток-топоток» – несомненно, отрывки из «Казаков»; стихотворение «Пичуга» («О, я в Испании не был...»; 1930) Ачаир включил в свою книгу «Тропы» [Ачаир, 1939, с. 52–53].

⁷ Поэма и ее автор полностью были названы в анонсе, сообщавшем о выходе в свет пятого выпуска «Вольной Сибири» («Возрождение» [Париж], 1929, т. 4, № 1424, 26 апр., с. 5).

рит это «мы» и какие силы за «мы» скрываются. Возможно даже, что и ничего не скрывается [Без подписи, 1930, с. 3]⁸.

За именем Маяковского стоит некоторое обобщенно-пренебрежительное отношение к «новым веяниям» в поэзии. Сегодняшние исследователи вспоминают в связи с «Казачками» имена Блока, Маяковского и Цветаевой, оценивая поэму порой противоположным образом⁹. Отметив, что, например, начало главы II («В станице») воспроизводит ритмико-интонационный и отчасти образный строй стихотворения Иннокентия Анненского «Снег» из «Трилистника ледяного» (1909), обратим внимание на другие влияния, так или иначе связанные с Маяковским и советской поэзией.

Это поэма Велимира Хлебникова «Настоящее», изданная в Москве в 1926 г., и поэма Ильи Сельвинского «Улялаевщина», отрывки из которой стали появляться в советской печати с 1925 г. «Сказка про Северяну» (персонификация Сибири), которую рассказывает в поэме Ачаира старик Ермолаич, написана, в подражание Сельвинскому, неурегулированным тактовым стихом «Улялаевщины». Видимо, оценив убедительность тактовика для передачи суржика (или ритмико-интонационного впечатления, которое он производит), Ачаир смело переносит этот размер в главах II и XIV на имитацию характерных особенностей речи старого сибиряка Тихона Ермолаевича.

К знакомству с творчеством Сельвинского и других конструктивистов восходит у Ачаира, видимо, и задача имитации народной речи, которую он решил прямым наложением диалектных форм на восходящий к Анненскому 2-стопный анапест:

Да старик Ермолаич,
желто-серый – как снег:
– Чо, аль сказку жалате?
Рассказать вам, аль нет?
[Ачаир, 1929, V, с. 16].

⁸ В переписке Ачаира с Георгием Гребенщиковым, впрочем, речь заходит об установочном докладе Л. Д. Троцкого «О Сибири», изданном брошюрой в 1927 г. (см.: [Росов, 2009, с. 255]). Об отзыве анонима Ачаир писал Якушеву 15 марта 1930 г.: «Между прочим, Тамара Андреева очень обижена на отзыв в “Возрождении”. На днях она с присущим ей энтузиазмом (или как иначе?) выражала мне своё возмущение по этому поводу. Впрочем, по адресу некоторых Европейских эмигрантских изданий у нас, восточников, нередко можно слышать такие эпитеты, вроде: “приют для хроников”, “убежище престарелых литераторов” и т. д. Но мы, здешние, конечно, б<ыть> м<ожет> уж слишком запальчивы» (ГАРФ. Ф. Р-5870. Оп. 1. Д. 156. Л. 37). Тамара Петровна Андреева (? – ?), харбинская поэтесса, принадлежавшая к кружку «Акме»; в конце 1920-х гг. переехала в США.

⁹ Ср., например: «По масштабу литературного решения и идейному замыслу “Казачки” соперничают с блоковской поэмой “Двенадцать” (в одном случае изображена русская революция, в другом – Гражданская война), хотя любимым поэтом Ачаира является всё-таки не Александр Блок, а Марина Цветаева» [Росов, 2018б, с. 72]. «В поэме А. Ачаира “Казачки”, написанной в стиле “Двенадцати” А. Блока, но отличающейся отсутствием художественной формы, единства стиля и беспомощным подражательством, рассказывается о попытках создания автономии в Сибири» [Барсукова, 2008, с. 152]. Предоставим судить читателям поэмы, кто из ученых ближе к истине.

Лощилов И. Е., Полторацкий И. С. «Первая областническая сибирская поэма...»

Когда в «Перекопе» народную речь («землячки сговариваются») потребовалось передать Цветаевой, это получилось у нее и компактнее, и элегантнее, и убедительнее:

Пот-то – наш,
И власть – нам.
Понимаешь?
– Понимаю
[Цветаева, 1997, с. 159].

Объединив вокруг задачи пропаганды областнических идей средствами поэзии наиболее «левые», авангардные тенденции как эмигрантской (Цветаева), так и советской (Сельвинский) поэзии, Ачаир не встретил, кажется, понимания ни в литературном, ни в «областническом» мире, и этот опыт не получил продолжения. «Визитной карточкой лиры поэта» [Штейн, 1997, с. 141] и сегодня остаются его ранние строки, выдержанные в тональности Надсона и Некрасова. В этих строках эмигранты Востока и Запада легче распознавали свидетельство о своей судьбе и о «миссии российского исхода» [Там же, с. 140], чем в «рваном стихе» «Казанков», и запомнили имя их автора:

Не сломала судьба нас, не выгнула,
Хоть пригнула до самой земли.
А за то, что нас Родина выгнала –
Мы по свету её разнесли
[Ачаир, 1925, с. 70].

Могила Алексея Ачаира на Заельцовском кладбище (Новосибирск).
Участок 73. Фото И. Е. Лощилова
The grave of Alexei Achair at the Novosibirsk cemetery “Zaeltsovskoe”.
Section 73. Photo by I. E. Loshchilov

Поэма воспроизводится в приложении по: [Ачаир, 1929]. Текст в основном приведен в соответствие с современной пунктуационной нормой, графические особенности оригинала сохранены. Написание имени «Вальтер Скотт» исправлено на «Вальтер Скотт». Написание слов «шопот» и «шопоток» исправлено на «шепот» и «шепоток»; «казаченок», «внученок», «девченка» – на «казачонок», «внучонок», «девчонка»; «невиданый» – на «невиданный»; «итти» – на «идти»; «дышет» – на «дышит»; «не-чет» – на «нечет»; «холщевые» – на «холщовые». Многочисленные случаи авторского пунктуационного творчества с произвольным количеством знаков приведены к виду «...», «!!!», «!..», «?..». В тексте главы V (строфа «По кру́гу – по по́лю – ~ землей пути!») сохранены как значимые «длинные» (утроенные) знаки «тире».

Приложение

Алексей Ачаир

КАЗАКИ

I. КАЗАКИ НА ПОХОДЕ

«Рано утром весной¹
на редут крепостной
раз поднялся пушкарь
поседельй.
Брякнули сабли кольцом,
дернул сивым усом
и раздул свой фитиль
догорелый»¹⁰...

Шепоток.
Шепоток.
Стукоток.
Стукоток.
Топоток.
Топоток.
На восток?
– На восток!..

«Он у пушки стоит,
сам на крепость глядит
сквозь прозрачные волны
тумана.

¹⁰ Из казачьей песни-поэмы сибирского войска времен киргизских набегов. 1-я четверть XIX столетия. <Примеч. автора.>

Вот мелькнул белый флаг
у высоких палат
удальца,
молодца-атамана»...

Два коня идут рядом.
Серый машет хвостом.
Над казачьим отрядом –
в небе коршун – пластом.

Шепоток –
это был.
Шепоток –
это пыль.
Стукоток –
это ключ.
Стукоток –
стук певуч.
Топоток –
от копыт.
Топоток –
это быт.
На восток –
это грань.
На восток –
ну-да, грянь:

«Застучи, моя дубинка ⁱⁱ,
заиграй, моя волынка...
Люба – любя – любя – любя – любя!..
Люба – любя – любя – любя – любя!» ¹¹...
Шепоток – это был от веков.
Шепоток – это пыль от подков.
Стукоток – это ключ по камням.
Стукоток – стук певуч к стремянам.
Топоток – от копыт по земле.
Топоток – это быт на заре.
На восток – это грань от зари.
На восток – ну-ка, грянь – да замри:

А по небу, по-небу серому
не летать соколенку смелому.
Соколенок – голубь: на привязи!
Соколенок малый не выкормлен.

Шепоток – стукоток – топоток...
Землю бьет – переплет – конских ног...

¹¹ Сибирская казачья плясовая песня. <Примеч. автора.>

Между гор – по пескам – кишлаки...
Мимо них – на рысях – казаки...
Шепот –
топот –
стук и
грохот.
Стремена
звонят
о шашки.
Пыльны
белые
рубашки.
Пики –
острые
зубцы...
Бубенцы –
гонцы –
певцы...
Сбиты
мягкие
фуражки
на
нахмуренные
лбы...
Вдоль дороги...
Первый – сотый...
Не считать ли вздумал,
што ты?
Вдоль пути –
столбы –
столбы...

Тридцать первый...
Чет или нечет?
На струне – не коршун – кречет...
Столб бежит тридцать шестой...

Рысью – рысью – по дороге.
По струнам – по теням – ноги.
У версты – три – ста – ... стой!..

С т – о – й!!!
Привал.
С т – о – й!..
Вал.
Муллушка.
Не молельня – крепостца...

Смотрит,
с пояса сняв кружку,
казачонок на отца.

Старый вахмистр
вертит ножку.
Но кисет –
малинов-цвет.
На кисете –
по дорожке –
вышло крестиком:
«при – вет»...

У земляной
груды вала
зной глотнула
духота.
Здесь бежала –
убежала –
утонувшая
вода...

В зное – рек ли?
В жаре – в пекле –
по песку – казачья жизнь.
Пыль – дорога гнется петлей.
Подтянул подпругу – нет ли –
– Са – ди – и – сь!..

Ну-ка, песенники, в ряд!
Выходи перед отряд!
Эй, вы, песенники, – пой:
Где казак, Любуша, твой?
Как в станице, говорят, –
девки ласковы подряд.
Твой казак – как вешний снег.
Был казак – пропал и след...

Казачи – точно птицы.
Им – летать, да расти...
А станицы – станицы –
где-то там – позади...

II. В СТАНИЦЕ

На морозце крепчатом –
ледяные пути
Со двора казачатам
надо коней вести.

Посиневшие губы.
Пальцы – красный кумач.
На парные, на крупы –
залететь бы –
и вскачь!..

Да старик Ермолаич,
желто-серый – как снег:
– Чо, аль сказку жалате?
Рассказать вам, аль нет?

Задрыгали – зашмыгали
пимами – как ежи.
У шапок уши: дрыг-дрыг-дрыг...
– Скажи-ка!.. расскажи!..

Лед скатился по снегу
голубицы синей.
Вышли по льду на реку
семь казачьих коней...

И на речке, где прорубь,
Где хрусталь, да алмаз –
спит невиданный город.
Начинается сказ...

(Сказка про Северяну).

А как встанет
во весь рост –
как встанет...
Сердце захлестнется –
ноги – хрупь.
Голова дурманится:
чешуйчатый хвост –
Господи, – достанет!..
Человек –
а валится –
в прорубь,
в глубь...

Взвизг, всхруп, топот копыт...

И – как тетива:

Се – ве – ря – на!!!

Владычица, подсоби!

– Дяденька, а, дяденька, дорожка куда-сь?

– Ась?

– Семь чебачков наловили вчерась.

– Вы чо, из охотничков?

Визжит пила у морозца плотничка.

Стучает молоток:
ток – ток,
ток – ток – мосток.
За мосточком – лесенка.

За лесенкой – терем.
На слово, говорит, верим:
потому – песенка.
И говорит гневно:

Северная, брат ты мой,
Северная.
Се – ве – ря – на!
Царевна...

За станицею – школа...
А за школой – разгон:
Кто на Терек –
кто на Дон.
В карьер – марш-марш!
Государя моего –
хорунжий – наш!

Плещет сумрачный Иртыш:
– Или... камыш...
Плачет горько Селенга ⁱⁱⁱ:
– Кобдó... Урга...
Кто на Терек –
кто на Дон –

свой берег,
дом...
Самарканд,
Коканд,
Термез –
из дому,
в лес...

И 16 лет – как сон.
В 17 – встань!..
Пограничный гарнизон.
Тышкан ^{iv}.
Тянь-Шань.

III. ВЕЧЕР В ВОЕННОМ ЛАГЕРЕ (Вальс)

Манят напевы
меж гор огнями...
– Любовь Сергевна,
пришли за Вами!..

Духи и веер...
Платок – надушен...
– Катюша, где Вы?..
– Ах, нет, – не нужно!..

Прическа в газе.
В столовой – встреча.
– Пора уж разве
идти на вечер?..

Манят из мрака
оркестра трубы...
– Темно, однако,
идти до клуба...

Мерцают звезды,
темнеют валы...
– Скажите, поздно
у вас начало?

Палатки – беды.
В тени – друг к другу...
Зовут напевы.
Клянутся трубы...

О, звезды, взять бы –
да с неба – о-земь!!!
– Ах, не соврать бы,
как будто – в 8...

(Мазурка).

Пара за парой!..
Полною чарой –
пейте веселье.
Бегайте в жмурки...

Звуки, сплетайтесь!
Пары, слетайтесь –
в радостном беге –
в темпе мазурки...

Шорох ног.
Шелест трав.
Шепот грез.
Ах!..

Залиты светом –
плавно скользите!
А на паркете –
в зале – цветник.

К люстре от люстры –
светлые ники.
Искристый брызжет
жизни родник...

– Любовь Сергеевна...
Можно ли: Люба?..

Вы точно северный
хрупкий цветок.

В тихом ответе –
алые губы...
Шелест трав –
шепот грез –
шорох ног...

(Буфет).

– Собирайтесь-ка вы, казаченьки,
во единый, во-о кружок!..
– Ты уж пьян, должно быть, Васенька!
Спать пора идти, дружок...

– К черту спячки!
Скоро скачки.
Лопнул приз:
хромой киргиз.
Будь он проклят!
Чо за рохля!
Вся вода –
к копытам вниз...

(Карточная)

– Семь пик!..
– Семь треф!..
– А я держу...
– Ну – восемь!..
– Просим!..

(Биллиардная)

– В лузу... – Ловко!..
– Дуплетом в угол уложу...
– Прошу!..
– Ах, чтоб ее, чертовка!..

(У стойки)

А на стойке
рюмка с рюмкой:
дзинь-дзинь-дзинь!..
А настойки
капля с каплей:

буль-буль-скок!..
– Выпьем, Вася!
Чо, не хочешь,
мамин сын?
Брось ты сотню, –
чо ты хнычешь?
Ну? Глоток!
За здоровье
то-го,
кто не любит
ни-ко-го...
У-рр-а!!!
– Спать пора!

IV. В УЩЕЛЬЕ. ПИКНИК

Шорох ног.
Шелест трав.
Шепот грез.
Ах!..
Шепоток.
Стукоток.
Топоток.
Синий мох.
Синий мрак.
Звон стрекоз.
Ах!
Рокот вод.
Рокоток.
Шум-поток...
Водопад –
дождь и град –
со скалы –
хлынь.
Шум лилов.
Черный ров.
Звон стекла.
На горах снеговые
ковры –
скинь!
Шесть ковров,
пять ковров –
и скала...
В черном рву
громовая
вода –
ринь!

Со скалы
в белый пар,
в черный низ.
А вверху
снеговая
гряда –
синь.
На скале,
на коне
спит киргиз...

Шорох ног.
Шелест трав.
Шопот грез.
Ах!..
Белый мох...
Белый знак.
И откос...
Ах!!!

– Хорунжий Чагин!..
– Хорунжий Чагин...
– Ау!..
– Ау...
В шумящем мраке
ребенок – всякий.
Ау – зову.
– Любовь Серг... Грохот...
И блеск... В потоке
бурлит вода.
– Хорунжий Чагин!!!
В гремящем мраке:
– Вот так всегда!

Ревет ущелье.
Грохочут глыбы.

Цок-цок-цок-цок!..
Скрежещут мелью
подков изгибы,
как говорок.
– Хорунжий!.. Чагин!..
Внизу – во мраке.
– О, Боже мой!..
Глаза сквозь слезы...
Зовут утесы:
– В поток – за мной!!!

На отлогой горе –
аул...
По камням –
водопад
и шум...
– Любованя, скорей!..
Ау!..
Страх коня.
Гром и ад.
И – гул...
Гул гудит, шум шумит, – порог...
И с горы – конь в обрыв!..
И поводья из рук –
И молитва, – как шелест губ.
И на глыбах – борьба – вода...
Словно рыба...
– СЮДА!.. СЮДА!!!...
Берег... берег...
за тем!.. к тому!..
Кто доверит любовь?.. кому?!
.....
И с седла –
над водой –
и крик:
.....
Бьется конь,
вместе с той,
между – глыб.
.....
Два коня...
Тихий взгляд – и блеск...
– Ты меня...
Водопад и плеск...
И сквозь слезы,
целуя:
– Мой!
Ты с откоса...
– И ты со мной!
(Пикник).
– Мы вас ждали, ждали, ждали!..
Скатерть белая на мху.
Камин – серые
скрижали –
на малиновом верху.

Как зеленый,
темный витязь,
смотрит бурая
сосна.
– Чагин, Чагин!.. Ну, садитесь!..
– Эй... вина!

Шум, веселый
говор,
песни,
ржанье,
звон и стук
подков...
– Дериглазов, хоть ты тресни,
а чтоб вовремя был плов!

Два барана,
три барана,
черный масляный
казан!
Девки пьяны,
парни пьяны.
Повар стал,
а был казак!..

А шашлык на угольках:
трах-треск-крах!..
Сало топится в кусках,
с угольком – в руках...

Наливай, сосед соседке,
соседка любит пить вино!..
Подноси сосед соседке...
– Вася, ты уж пьян давно!..

– Люба, что же вы стоите?
Вам не жалко ваших ног?
– Ну, а что ни говорите...
Чагин с Любой – шепоток.

– Сяду... я ведь так... устала...
все в седле – с 6-ти утра...
– Наливай сосед соседке –
соседка выпила!.. Ура!!! ...

V. СКАЧКИ

Татары,
базары,
цветные
шатры.

Палатки
и юрты,
и в юртах –
ковры.

Киргизы
и сарты^v,
и говор,
и спор.
И бег адъютанта,
и звяканье шпор...

Оркестр, два оркестра.
И поле – и гладь...
– Кто первый, кто первый?..
кто будет скакать?..

Зеленый, пунцовый,
оранжевый цвет...
– Ну, приз за Ченцовым!..
– Помилуйте!.. – Нет, –
у Чагина – Быстрый... а Ваське... куда!?..
И смех, серебристый...
– Сюда, господа!

В палатку, в палатку –
в палатке простор, –
пляши хоть в присядку
под звяканье шпор.

А возле – а кругом –
на скамьях – пестро.
Друг с другом – за другом –
шелка – серебро...

Малиновый – серый –
под солнцем цвета...
– Куда вы там сели? –
садитесь сюда!..

Жена командира
и дамы полка.
– Ах, Люба!.. как мило!..
(и взгляд свысока).

У юрты, где тесно –
бутылки: хлоп-хлоп!..
И звуки оркестра –
 в разбрежку,
 в галоп!..

А в юрте,
 где жарко от белых кошом –
влиятельных
 сартов
 поят – кумысом...
– Напился? – Кончало!..
На миг – не дыша...:
– Начало... начало...
Шажком – не спеша –
тут в кителе белом,
красней чем коралл –
среди офицеров
идет генерал...
А в поле – на воле –
где начался круг –
семь всадников бродят,
семь маленьких мух...
Сжимаются губы...
Миг... шорох... молчи!
Берутся за трубы.
Трубят
 трубачи:
– СКАЧИ!.. ЛЕТИ!!.. СТРЕЛОЙ!!!...
Первый вал. Первый взлет. Взлет второй.
По кругу – по полю –
через мосты —
в карьере — в топоте —
взметнув хвосты!!!
И в вихрь — поводьями —
 играй, пусти!.. –
но поповодьями –
 землей пути!
ХЛОП-клуб!.. Через барьер... Bravo!
Ура!.. ура!.. – Кто идет первым, кто вслед?..
– Это Ченцов... – Нет, это Чагин, справа...
Голова в голову, след –
в наступающий след...
«Мы дружно на врагов...^{vi}
на бой, друзья, спешим,

– Что главное в жизни?
– Что вдруг – отнято!..
– Джигиты, джигиты
уж скачут!..
– К местам!..
Развитым, разбитым –
не взрять мечтам.

VI. ДОРОГА. БЕЛЫЙ ЦВЕТ

Туман... туман...
Умаялся...
– Эх, ты!..
На людей, хоть кнуты
а на скотину...
– Правь на плотину!
– Ишь, ты пакость-то – пегая...
– Хлебушка... накося!..
Стены... бело...
Стены...
Стоп:
ось – над телегою!
– Туман... туман...
белый лоб... патлы – клей...
– Куды тебя
к чорту занесло?
– Пра – вей!..
– По рюмочке, значит, выпили, –
раз – вез – ло...
Ерепенится...
– Как говоришь?.. куды?
– Сворачивай!
– Барыня с дачи вот
едак пела:
разом –
млела!..
Даль-то... даль-то...
бе – ла – я,
пенится...
Туман... туман...
Пути нет:
заслал белый свет!

Из тумана –
тошным-тошно.
Из тумана –
светлым-светло.

Из тумана –
больным-больно.
И ступить нельзя.
И достать нельзя.
Разве сослепу
воплем по небу,
не крестясь:
– Заступница!
Помилуй нас
грешных,
да и в грязь!..
Лапоть-то в дырках,
И онуча вылезла.
– Матушка просвирня
белой ручкой вынесла:
«Пей, говорит, касатик!»
А сзади-то, сзади-то
семь аршин не мереных.
Разве бы поверил бы?
– Куда тебе грязному мужику,
сопляку,
олуху!..
Говорит –
да и по уху!
Говорит –
да и по уху!
Знай наших, –
да и взашей!

VII. ДОРОГА. СИНИЙ ЦВЕТ

Синь-кафтан.
Небо – сине.
Охота...
– Вы читали... Вальтер
Скотта?
Конь – хвост трубой.
Грива – дугой.
Один. Другой.
Третий.
Ручуки – как плети... ^{vii}
– Читал-ла...
– Ах, вы, милые мои дети!
Губы синие –
(в укусе вымыла)...
– Он уж просил... просил...
Мэ, ву компрене, ма шери ^{viii} –
не партия.

– Не потрафило, значит?
У самой норы хвост волочил!..
– Сво-ло-чи!..
Вслух: на вашей шейке –
родин-ка.
– Ах,
Борис,
оставьте!..
– Все в виц-мундирах...
Государыня вышла...
Бюхляев-то затянулся –
воротником сдавило,
еле дышит –
синь-синешенек...
– Не вылезет,
как бы ни гнулся!
– Почем знать!..
– Почем, спрашиваете?
Для вашего сиясь,
не скупясь,
20 целковых аршинчик.
– От – кладывай!..
– Люстру хрустальную
изволите? – 700!
(Мужики оброк не платят...)
– Изволите от?..
– ...Кладывай!
– Золотой несессер
под английский манер,
для чистки ногтей
у детей.
1000!..
– Из деревни мужики
пришли, погорелые – что ль,
принять, отложить до утра?
– Ишь-ты, обнаглели!..
В баню сперва!
От-кла-ды-вай!

VIII. ДОРОГА. КРАСНЫЙ ЦВЕТ

– По красному бей!..
Робеешь?
Куды прешь?.. Назад!..
Поспеешь!..

Шнуры – как артерии
в глазах,

в мозгу...
На мосту –
взвод
кавалерии...
– Не могу!..
– Можешь, чортов сын,
Мож-жеш-шь!
(На роже –
сытая злоба).
– Мож-жеш-шь!
Обвилась лезвием...
Выхлест – глаз
смотрит...
В оба!
– Справа по три!..
Рысью!!!
– Помяни, Господи,
во царствии Твоем!..
– Стронись, сомнем!..
– ...тетку Анисью!..
полегли, братики, полегли!..
– Взвод... пли!
Рухнуло
окаанным –
по спаянным.
Светом багряным –
по раненым.
Плавно, напевно,
как струна:
– Слепая царевна
Се-ве-ря-на!
– Община Урала
не пала,
малиново-ал
лампас
и у нас.
Гей... с острога́ми!..
с врагами
померяться силой...
Гей!..
– По красному полю
в волю –

тупым концом –
бей!..

Свинцом
залиты глаза
Язык – как шиш.
– Иртыш... Иртыш!..
не насмотреться- бы, милый!..
– Ишь, взвыла!..
В кузнице красен горн,
в кузнице воздух черн.
Кровь под огнем красна,
кровь под углем черна...
Тошно!..

– Он думал, что я –
нарошно.

Я ему – в ножки:
раз!..
Он мне – каленым
в глаз.
На десятке сошлись,
а то ка-
тор
га.

– Провокатор?

– Да!

– Ловко это ты, –
смышленный!

– Прут-то ведь,
прут,
каленный!..

– Што?! Бунт?!..

– Ни фун... та!.. хле... ба!!! ...

А жандармский погон –
не блин, не калач.

– С испокон
по грешной Руси, –
Владычица, пронеси,
аминь, –
хоть плачь!

Отворот красный.
Властный.
Пухнет.

– ...Под-дернем!..
...под-дернем –
да бухнем!..
– Бунт?!

Сырой
грунт.

IX. ТЯНЬ-ШАНЬ – МОСКВА ^{ix}

Там, где бродит тигр,
где станут верблюды...
Где от смертных игр
кровавые следы...
Где снега вершин
на небе чертят грань...
Там царит один –
Тянь-Шань...

Там, где тень садов
скрывает в жаркий зной.
Там, где сок плодов
покой дает земной.
Где снега вершин
на небе чертят грань...
Там царит один –
Тянь-Шань...

Вниз спадают змеями ущелья...
Одинокий слышен зов марала...
Стонут вековые подземелья...
Тайны гор хоронит тишина.

Много лет прошло – не стало сказок...
Много лет прошло – любви не стало...
Только в песне грустного рассказа –
юность не забытая – слышна.

– Вот и мы в столице –
птицы.
Казакам бы только взвиться,
взвиться да лететь,
да реять...
– Надолго, Василь Андреич?
– 28 дней.
Часов
не считал
Василь Ченцов.

Не пошел – под суд!..
Замялось:
Есаул лихой, Ченцов-то!
И откуда что и взялось –
песни, мол... скачки, мол...
джигитовка...
На распутьи вот покуда.
Знаю сам, что путь не верен.
Но – в столице. А отсюда
возвращаться... путь – не мерен!..
Разве только буря грянет...
Лето – печка... Мир – как вымер...

– Это с кем ты, Любованя?
– Чагин!.. – Васька!.. – Ты?..
Владимир!..

Расспросы,
вопросы
о старом,
о том,
что было,

что стало,
о всем
да о сем...
– Давно ты?
– Вчера лишь.
– На месяц?
– Ну да.
– Хромаешь?
– Хромаю –
да что!..
ерунда!..
– Любаня,
покушать...
С Васюткой.
Ты пьешь?

...Любаня...
Любаня...
А в голосе –
дрожь...

– Я слышал,
ходил ты
с полком
в Калунду?
– Вернул, брат!

Не вылез.
Не вынес беду...
– А как же?
– А так же...
– В запасе?
– В гробу!
– Брось шутки!
– Без шуток...

А жила –
на лбу...

– А помнишь,
а помнишь?
Джаркент^x
и Хоргос,
и...
как пестрые
ленты –
вопрос
за вопросом...

– ...Соберемся-ка мы, казаченьки
во единый во-о-о кружок!..
Так-то, друг мой, славный Васенька!..
Пьешь?
– Не пью! Не лей, дружок!..

А по скатерти дробно
пальцы:
стук-стук-стук-стук!
А на сердце любовно:
– Любованя, мой друг!..
А по скатерти нервно
дробь дробит... кровь – как дробь.

Северяна царевна –
любовь!..

– Ну, закусим...
Выпей рюмку!

– Ну, давай уж,
так и быть!
Коли слезы –
так уж слезы.
Коли пить –
так будем пить!
– Мать здорова?
– Да, здорова.

– Все в Черлаке? ^{xi}

– У себя.

Тешит старость –
няньчит малых
двух каких-то
казачат.

Одного крестила даже
в честь меня –
Васюткой тож...
– Ну, за здоровье
бабки Маши!..

Звон стаканов –
сердца дрожь...

«Не любить – загубить
значит жизнь молодую...» ^{xii}

Коли пить – станем пить...

– Ты не знаешь такую?

– Знаю... знаю...

А ты помнишь
нашу песню:

Пей до дна!

За здоровье

того –

кто...

не любит никого!

Ура!

Так-то брат!

Давно это было...

Сплыло!..

X. КАЗАКИ-СТУДЕНТЫ...

«Юной верой пламенея ^{xiii}

с Лены, с Бии, с Енисея

ради воли и труда,

ради жажды жить светлее

собралися мы сюда...

«И с улыбкой вспоминая
ширь Байкала, блеск Алтая,
всей стране, стране родной
шлем привет мы, призывая
всех, кто с нами, в общий строй...

«Каждый здесь товарищ равный, –
будь же громче, тост заздравный.
Первый тост наш – за Сибирь,
за красу ее и ширь,

а второй – за весь народ,
за святой девиз: вперед!..¹³
– Вперед!..
– Вперед – вперед!..
– Брось, – хозяйка уберет!

Стены в пестренских обоях.
Самовар давно потух.
Варя ходит, беспокоится:
обещали – не идут...

Стук – и – настезь...
Кто за Любой?
– Это Зоя... Вячка!.. ба! –
сам Владимир!..
– Здрассте!
– Любо!
– Занесла сама судьба.
– Ченцов.
Казак.
– Я тоже,
с Дона.
Гаврилка... ты?
– Конечно я!
– А кто сказал?..
– Ну, здесь, как дома!..
– Совсем застыл...
– Сейчас... сейчас!..

Кика с Варей –
две хозяйки.
Тáры – тáры,
та-ра-рám...
– Опоздали...
– Угощай-ка!..

Звон гитары...
Самовар...

Под шум и смех:
тá-ра-ра, тá-ра-ра...
– Ах, ну и снег!..
Тá-ра-ра-тám...
– Мы думали ехать...
та-ра-ра, та-ра-ра...
– Гаврилка уперся: «не-ет,

¹³ Сибирская студенческая песня. Слова – Г. А. Вяткина. Пелась сибиряками-студентами на мотив «Из страны, страны далекой». <Примеч. автора.>

к-а-кая т-е-перь езда!..»
– Вот отсюда...
Скоро ли чай-то?
На Голицынские, –
идет?
– Там вечерка...
– Не опоздаем?
– По Остоженке...
– Довезет!..

Тóры-тóры...
разговоры.
Снег и ветер
на дворе.
А узоры-то
узоры
на завешанном
окне!

Полка. Книжки.
Фортунагов...
Иверонов.
Каблуков...

– Кика!
– Что надо?
– Чай скоро?
– Готов!..

Ложкой, стаканчики,
сахар, халва,
дамские пальчики... –
вот и Москва!
Полдевятого –
голубцы-бубенцы!..
– А поместимся, ребята – мы?
– Молодцы, молодцы!..
Гик!
и по снегу...
пошел –
па-ди!..
Друг к другу со смеху...
– Не упади!..

А в одиннадцать:
– Варя!
– Просим, просим!
– Спляши!

Тесно сдвинулись...
встали –
кругом – стоим
стогом ржи – ...

А в кругу просторном:
каблук – ток-тók-ток!..
При честным – д – народом
д'мне ли не пройти?
Плечики задо-орны,
локоток – ток – пód-бок...
Дон – моя свобода!..
А любовь?.. Пусти!

Гоп-гоп, черевички,
черевички – стоптаны!
Гоп-гоп, молодички,
молодички – с Дона мы!..

С Дона мы приехали –
милому помеха ли?
Гоп-гоп, черевички,
черевички, кто со мной?

Гоп-гоп, молодички, –
сам молодчик молодой!..

– Казак!.. казак!..
– Бр-рав – в – вооо!..
– Товарищи, сдайте назад,
ну, что вы, право?!.

Гоп-гоп, разойдемся,
мы с тобой не расстанемся!
Гоп-гоп, Василя!..

Варя ходит весела...

XI. ВЕЛИКАЯ-МИРОВАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ...

Заря пó-небу –
война по-миру.
Брат на брата –
солдата...

– А на мельницу попаду?
– Попадешь.
– Невтерпеж работенка!..
– Прибавим!

– Немца сплавим, значит,
судачит –
 ...лишняя лошаденка,
 плуг паровой Эльворти...^{xv}

Не спорьте:
все люди – братья, –
а посла разочтемся!..
На Вену!

– Дай те хрестик одену,
воин христовый!..
– Рас – ста – ем – ся!

Черной змеей из труб
дым – окаянный труд.
Заводы ноне
на обороне!
Стройно.
Спокойно.
Мерно.
Сталь – как огонь – заря...
– Победим наверно...
– Бо – же, ца – ря!

В колокол
– Раз!
ударьте...
Висла.
Карапаты.
Кавказ.
Стройно.
На смерть.
Солдаты...
– Боже, помилуй нас!..
.....

– Война-с?
.....

Тыл шумел.
Тыл чумел.
Тыл озлился.
Тыл орал.
Тыл: Урра!
Суетился –
с ног сбился...

– Эж, ведь, чадит из труб!..
Нога. Голова. Труп...

– Вот бы теперь в штыки!..
Марля. Бинты. Портки.
– Дай нам Берлин да Вену!..
Голод. Хвосты... – Измену?..
У-у-у-у!
Ничего не пойму!

.....
Слезы – огонь из глаз...
Час
смертный
настал.
Он первый, он первый упал!..
У – пал!
Слезы – лучи
огня...
– Меня?..
– Его?..

– Сыночка-то моего!..
Василя!..
убили!
– Что?

– Процентом 100!
Меньше – нельзя!
– Сбыли?
– Сбыл!

Был
тыл.
Пыл
стыл.

Слезы – как сноп – лучей...
– Касатик!..
Солдатик!..
Чей?

Открытая грудь.
Не грудь –
снег.
– Сестрица Варвара, жив?
– Нет!..

Красный лампас –
и рана...

Пикой –
и глаз!..
– Се – ве – ря – на!..

ХII. ЕВРАЗИЯ ^{xvi}

Поволжье и барки.
Товарки.
Сударки.
Пельмени горячи!
Пельмени горячи!

Самара. Сарепта.
Сарепта. Горчица.
А хлеб-то, а хлеб-то!..
Ползет, волочится...

Саратов. Царицын.
А птицы, а птицы...
Им взвиться:
– пельмени горячи!..
– Пельмени горячи!..

И щебет, –
и нет их.
За Астрахань – Каспий.
По блюдечку разлит.
Не выхлебать разве?

.....
С восхода
исхода –
охота –
из стана.
Глядят Туркестана
мечети и клетки.

Пески
и вампиры.
Полмира!
Полмира!
Над Индией
крыша
седого
Памира!

Пельмени – горячи!
Пельмени – мантушки!
На перце каленом.
На сердце лягушки!
И девичьи плечи
скрывает Тянь-Шанем –

горит Семиречье
и плещет ковшами...

из роз ли,
из роз ли,
из рос ли,
из снега –
вино
винограда,
сок града,
сок неба.

.....

На севере тая
станции и стаи.
Слетая с Алтая
и с Тарбагатая –
на герб горностая –
синицы –
синь-птицы,
как тучи-причуды,
как горы,
как груди,
в дыму ли,
в золе ли –
взметнули...
в руде ли?
века –
облака...

От края до края,
без края – без края –
равнины, берлоги,
белки и остроги.
Из золота... тыны!
– Пушнины, пушнины!
Лисицы, куницы,
бобры и еноты –
для крупного счета.

Еще, да?

Песцы, соболя –
за края, за моря.
А белки потоце –
кто дома попроще...
Измолото хлеба
– до самого неба!

Убито коров –
100.000.000 голов!
– Эй, шаньгою в масло! –
кричи, чтоб погасла!
Не гаснет. Не газ она.
Льдом опоясана,
стыль-глубина –
ледяная страна...
Собаки... олени...
Кулага... ^{xvii}пельмени...
И черные тени,
и синие тени,
и красные тени...
– Пожар!
В жар!..
А кони – как гикни –
так версты, –
как вихри!..
От края – до края...
Без края – без края...
Равнины, тайга ли,
тайга ли, снега ли? –
Не может быть лучше,
не может быть краше!
От Турского стана
и до о-ке-а-на –
все наше, все наше!
Все – наше! Все – наше!
Чрез горы – просторы,
болота – урманы,
Уралы – увалы,
Байкалы – провалы,
Читу – за черту,
за кедра – за недра –
все воля... все воля...
До самого моря.
До самого моря –
великая ширь:
Сибирь.
ХIII. РОССИЯ – СИБИРЬ
Барабанная дробь...
Дробь... робь!.. грабь!..
Рябь... грудь... гробь!..

Оловянная дрожь...
Дрожь... ложь... нож...
Нож... грош... ложь...

Окаянная жизнь...
Грязь... гнус... гнись!..
Гром... гроз... грызть...

О, багряная твердь!..
Дверь... мерь!.. верь!..
Кремль... зверь... смерть...

Москóвия!!!
Багряным – заволокло глаза.

Расеюшка!!!
Шум – шквал – жварь гроза...

Украина!!!
Крик спугнул – кровь сглотнул...

Изранена!!!
Грох телег... гром... град... гул...

А по степи, широко, широко-то как...
А поступи – ток-ток-ток, ток-так-так, так-так!

Невидимо – днем как свет, ночью – тень.
Неслыхано – слово – в куст, знак – в плетень...

Незнамо где – и везде, и нигде.
Не гадало – то во сне, то в избе...

По багряному –
снежный цвет –
весть, как снег.

Оловянному –
свежий свет –
век рассек.

Окаянному –
зелень пруд,
изумруд.

Барабанному –
путь в тайгу –
вольный круг...

А по степи – широко, широко-то как!..
А поступью – ток-ток-ток, ток-так-так, так-так!
От аула – в аул – миг – лет...
Ширь вспорхнула – ковер – в полет!..

Барабанная дробь...
Дробь... робь?.. грабь!..
Рябь... гробь!.. кровь...

Снегом заткана новь.
Хлопья – плоть,
плоть – любовь...

Окаянная жизнь...
Грязь... гнус... гнись!..
гром... гроз... грызть...

Изумрудная высь...
Высь – в высь мчись!..
Мчись в высь – жизнь!..

Московия!..
Нетопырь – то упырь...

Расеюшка!..
Звон, взлет, стон.
Стан – Сибирь!

.....

Две рати,
две рати.
Два брата,
два брата.
Заклятье,
заклятье.
Не надо,
не надо!..

Два друга,
два друга.
На друга,
на друга.
Проклятье,
проклятье!
Меч в руку –
смерть другу!

Станицы – в станы,
лагери – в крепости,
стада – в туманы,
по ветру хлеб пусти!..

Гик –
Крик –
Гик –
Миг –
День – лик.
Лес пик...

Табуны – топоты,
провода – хлопоты:
седло, образок, конь.
Крестьяне – селами,
казаки – веселыми...
Вилы – кулаки – кол...

Встретились на гряде.
С грудью грудь.
На Урале...
Пулемет – кол.
Бомбомет – вилы.
Артиллерия – кулаки.

Налетели...
На высоте –
грянул гром...
Отыскали –
кол – пулемет,
вилы – бомбомет,
кулаки – артиллерию...

Две рати,
две рати.
Два брата,
два брата.
Два друга,
два друга.
На друга,
на друга...

Багряное знамя –
двухцветное знамя...

Кто с вами – не знаем.
Кто с нами – все с нами!..

Кровь –
белый свет.

Нож –
зелень трав.
Серп –
свежий свет.

Молот –
тайга...

.....

Всевеликого войска донского
первый круг – круг большой – старина...

Всеначального войска сибирского
круг второй – круг – вся страна...

От семи рек – семирек.
Енисей – с енисейцами.
Иркут – с иркутянами.
Селенга – с забайкальцами.
Амур – с амурцами.
Уссури – с уссурийцами.
Иртыш с Ермаковской вольницей.
От крестьян – брат.
Горожан – друг.
Депутат – сибиряк.
Сибиряк – в круг...
И все – за околицу...

«...Депутат большого войскового круга
Владимир Чагин – председателем!..»

Прихрамывая, идет, ведет сына за руку,
вместе с мальчиком – всходит на кафедру...

Слово... Призыв... В ширь...
– «Да здравствует автономная Сибирь!..»

Слезы в глазах стариков.
Шум – зов. Лес рук. Нет слов...

Песнею... Звоном... Гордостью...
– «Да живут все казачьи вольности!..»

Стоном шумит круг.
Шум – гул. Нет слов. Рев рук...

Гневом... Любовью... Светом...
– «Враг у ворот... К победам!»

Круг деревень... аулы...
все потонуло – в гуле...

– Хлеб не отдадим – наш!..
 Дробь... кровь... рябь...
– Скот не отдадим – наш!..
 Грязь... пулемет... хлябь...
– Золото – наше... стой!
 Гром не изгрызть – выть...

– Наша земля. С т о й !..
Мирно в свободе жить.

Точит червь
ночь и день.
Точит слизь
радость – жизнь.
Точит червь,
точит день.
Роет крот –
круглый год.
Точит червь,
стонет кедр.
Клонит ветр...
Встанет? – нет!
Точит червь,
роет крот –
ночь и день,
круглый год...

Рухнуло!..
 Грохот...
 Гул...
Жги!..
 Разноси...
 аул!..

Рухнуло...
 Тяжесть...
 Звон...

Бей!..
 Разбивай...
 села!..

Рухнуло...
 Горечь!..
 Гнет!..

Город...
 Голод...
 Мрет...

Рухнуло...
 Мертвой...
 птицей –
бьются –
 в огне –
 станции!..

– Знаменщик ранен!..
В правую... В руку...

Не удержала –
древко священного
стяга борьбы.
Кара судьбы.
И толпа побежала:
... – Знаменщик ранен!..

Рвите холщовые флаги!
Чистая, алая кровь –
белое сделает – красным!..
Хлещет измученный лагерь...
... – Свобода!.. Свобода!.. Свобода!..

Бегут солдаты
и люди-звери
И конский топот
и звон стекла.
Пустеет площадь.
Вбежали в двери.
Не люди – трусы.
Их жизнь звала:
– Знаменщик р-а-ан-не-н!..

Он мчался впереди
на взмыленном коне.
Он звал и трепетал,
как это полотно.
Неправда!
Умереть ему не суждено.
Он верит и зовет:
– К свободе!..

Пусть конь убежал –
забрызган кровью
бело-зеленый стяг –
погибнет враг:
великой любовью
он будет сражен!
Проклятьями – старых.
Молитвами – жен и детей.
Их любовь – глубока...
И так неглубоко – могила...

Знаменщик...
Он левой рукою сжимает еще
холодное древко.
Слабеет плечо.
Он – ранен.

Рука
точно камень.
Застыла...

На стяге – кровавые пятна и пыль...
Над мертвым
склонившись,
рыдает Сибирь...

Гул – поток.
Шум – исток.
Смерть – исход.
Как поток
топот ног –
на восток.

Черен день.
Ночь черна.
Снег – постель.
Червь точил,
проточил –
до костей.

Снял Урал,
снял Иртыш,
снял Иркут...
Казачи
все идут
и идут...

Снял Байкал,
снял Читку –
снял Амур...
Казачи –
точно всклокоты
бурь...

Снял с земли
Усури,
весь восток.
Казачи –
в кругосветный
поход!..

Мы живали в суровой неметчине ^{xviii}
Нам знаком и Алжир, и Сиам.
Мы ходили по дикой туретчине
и по льдистым Небесным горам...

Нам близки и Памир, и Америка.
И Багдад, и Лионский залив.

Наш казак у восточного берега
упирался в Дежневский пролив...

Легче птиц и оленей проворнее,
рассыпаясь по тысячам мест –
доходил до границ Калифорнии –
одиноким казачий разезд!..

.....

XIV. СЕВЕРЯНА – ЛЮБОВЬ

«А как встанет
во весь рост,
как встанет! –
сердце захлестнется,
ноги – хрупь...
Голова дурманится...
Чешуйчатый хвост... Господи!..
Достанет!
Человек –
а валится.
В прорубь.
В глубь...

Взвизг... Всхруп... Топот копыт...
И – как тетива –
...Се-ве-ря-на!..

Слушай, внучонок, сказку про быт,
нынче его – не стало!..

Был у меня старик и друг –
Тихон Ермолаич... давно уж!..
Он-то и сказывал.
Посадит нас в круг –
возле проруби-то, на снегу –
холодно, говоришь? –
и начнет петь – за слóвом – слóво...
А мы и слушаем, и дивимся:
кто это «она» –
Северяна – ледяная царевна?!..
Это, внучонок, не человек, а страна,
царство-государство, наверно!..

Вот твоя мать-то, Любава, к нам раз
из городу приехала – молодой еще –
Ермолаич-то созвал всех нас,
ну и ее, конечно – на сборище!
Дак она при словах: до-станет! –
как вскрикнет... да встанет!..

Дак белей рубашки. А была девчонка
не из трусих. Баловница только!
С той поры – ты Ченцова не знал, поди?
все дразнил ее Василий: Се-ве-ря-на!
Ох, она не любила!.. Ну, и правда: крестить
кто ж таким будет прозвищем христиан-то!?

А потом... теперь вот... Она да ты...
Да вот я... Старый с малым, да баба...
Говорится – друзья!.. Эх, отец, кабы!..
Да, ну где ж его взять-то? папу!..

«Казачи – точно птицы, им – летать да расти...»
пел он мальчиком, эдак с тебя вот...
Ну и вот – улетел. Свет – бескрайный, велик!..
Ты вот мать береги!.. Любаву!..

Спит станица-село... Пораскинулась ночь...
Ночь и день... День и ночь... Другие...

На подушке – кудрям – точно луч, точно рожь... –
снятся сны... голубые какие!

14. XI. 27.

Примечания

ⁱ «Рано утром весной ~ догорелый»; «Он у пушки стоит ~ молодца-атамана...» – авторская сноска относится к обеим песенным цитатам. Песня «Пушкаръ» (иногда – «Старый пушкаръ») имеет литературное и более позднее происхождение, чем указано Ачаиром. В основе ее текста лежит первая часть поэмы «Сибирский казак», созданной автором «Конька-Горбунка» [Ершов, 1835, т. 8, с. 7–18]. Песенный текст с вариациями неоднократно печатался без названия и без указания имени автора; см., например, в разделе «Песни разных казачьих войск» с указанием «Сибирского казачьего войска»: [Сборник..., 1890, с. 255–258].

ⁱⁱ «Застучи, моя дубинка ~ Люба – любя – любя – любя – любя!» – народная хороводная песня «Заиграй, моя волынка» (см., например, с указанием «Гамбовской губернии»: [Балакирев, 1895, с. 50–51]). В книге А. С. Фоминцына песня была определена как «близкая к плясовой»; там же высказано предположение, что песня была сложена в среде скоморохов [Фоминцын, 1899, с. 74].

ⁱⁱⁱ *Плачет горько Селенга: / – Кобдо... Урга...* Селенга – река, протекающая на территории Монголии и Бурятии, самый крупный приток Байкала. Кобдо – река в Западной Монголии и Монгольском Алтае. Урга – историческое название города Улан-Батор. Судя по контексту, имеется в виду одна из двух одноименных рек, протекающих в Амурском и Хабаровском краях.

^{iv} *Тышкан* – горная река в Туркестанском крае (ныне территория Панфиловского района Алматинской области Казахстана). Упоминается в стихотворении Ачаира «Романтика» (1942): «Урочище звалось Тышканом. / Ущелье. Скалы

и поток. / Еще арык, прорытый ханом. / На скалах – беленький платок: / там вечный снег <...>» [Ачаир, 2009, с. 188].

^v *Сарты* – наименование зажиточного оседлого населения некоторых районов Средней Азии.

^{vi} «*Мы дружно на врагов... ~ за честь мы стоим!*...» Часто цитируемая в художественной и мемуарной литературе песня, в основе которой лежит сделанный неизвестным автором перевод неофициального гимна Словении «*Naprej zastava Slave*», сложенного в 1860 г. (слова С. Енко, музыка Д. Енко). В 1918–1989 гг. стала гимном Королевства Сербов, Хорватов и словенцев (с 1929 г. – Югославии).

^{vii} *Ручуки – как плети...* Так в печатном оригинале. Не исключено, что слово «ручуки» следует читать: «ручки» или «бунчуки». *Бунчук* – древко с привязанным хвостом коня, знак власти, заимствованный казаками у турок.

^{viii} *Мэ, ву компрене, ма шери...* – «Но вы понимаете, дорогая» («*Mais vous comprenez, ma chérie*», фр.).

^{ix} Глава IX. *Тянь-Шань – Москва*. Первые две строфы («Там, где бродит тигр ~ Там, где тень садов ~ Тянь-Шань...») с добавлением третьей, посвященной подруге юности Ачаира Татьяне Вакирько, были напечатаны 25 декабря 1927 г. в виде самостоятельного стихотворения под названием «Тянь-Шань» в харбинской газете «Русское слово» [Росов, 2018в, с. 85–86]

^x *Джаркент / и Хоргос...* Джаркент (Жаркент) – город, и Хоргос – село у границы Туркестанского края с Китаем (ныне территория Панфиловского района Алматинской области Казахстана).

^{xi} *Черлак* – казачья станица на территории Омского уезда Акмолинской области.

^{xii} «*Не любить – загубить / значит жизнь молодую...*» Из популярной студенческой песни «Наша жизнь коротка» (1860-е гг., автор слов неизвестен).

^{xiii} «*Юной верой пламеня ~ за святой девиз: вперед!*... Текст воспроизведен Ачаиром вместе с уточнением мотива по публикации: [Вяткин, 1914, с. 86]. «Из страны, страны далекой» – песня композитора А. А. Алябьева на слова стихотворения Н. М. Языкова «Песня» (1827).

^{xiv} *Фортунаатов... / Иверонов. / Каблуков...* Лингвист Филипп Федорович Фортунаатов (1848–1914), астроном и геодезист Иван Александрович Иверонов (1867–1916), физикохимик Иван Алексеевич Каблуков (1857–1942), авторы учебников и учебных пособий по различным областям университетской науки.

^{xv} *плуг паровой Эльворти...* Акционерное общество «Роберт и Томас Эльворти» (Елисаветград) производило в 1908–1917 гг. агрономическую технику и земледельческие орудия.

^{xvi} Глава XII. *Евразия*. Полный текст этой главы с пометой «6 октября 1927. 9–20 вечера / Харбин, Манчжурия» был послан автором И. А. Якушеву в виде отдельного стихотворения для публикации в «Вольной Сибири» (см.: [Росов, 2018в, с. 86–91]). Публикация не состоялась, а текст стихотворения был инкорпорирован автором в состав поэмы.

^{xvii} *Кулага* – кисло-сладкая мучная каша с добавлением солода (иногда калины); народное блюдо восточных славян.

^{xviii} «*Мы жили в суровой неметчине ~ одинокий казачий разъезд!*...» – первые три строфы стихотворения Ачаира «По странам рассеяния (Эмигранты)» [Ачаир, 1925, с. 69–70].

Список литературы

- Ачаир*. Первая: Книга стихов. Харбин: Содружество поэтов «Медитат»; Типография «Слово», 1925. 72 с.
- Ачаир А.* Казаки // Вольная Сибирь [Volná Sibíř] / Под общ. ред. И. А. Якушева. Прага: Общество сибиряков в ЧСР [Praha, Spolek Sibiřanů v ČSR], 1929. Вып. V. Общественно-литературный и экономический сборник [Veřejný, literární a hospodářský sborník]. С. 14–23; Вып. VI–VII. Литературно-общественный и экономический сборник [Literární, veřejný a hospodářský sborník]. С. 29–39.
- Ачаир А.* Тропы: Стихи. Харбин: Плотников, 1939. 62 с.
- Ачаир А. А.* Стихотворения: В 2 т. / [Сост. Ю. А. Тарала]. Сан-Франциско: Музей русской культуры, 2004. Т. 1. 199 с.; Т. 2. 142 с.
- Ачаир А.* Мне кто-то бесконечно дорог... Стихотворения / Сост. Ю. А. Тарала; предисл. Е. Таскиной. М.: Янус-К, 2009. 428 с.
- Ачаир А.* Дорога к дому: Стихотворения, письма, документы / Сост. и предисл. А. А. Горшенина; отв. ред. Н. И. Левченко. Новосибирск: Новосибирский миниатюрист, 2013а. 332 с.
- Ачаир А. А.* Борис Савинков: Поэма / Предисл. В. А. Росова // Сибирские огни. 2013б. № 10. С. 124–132.
- Балакирев М. А.* Сборник русских народных песен, составленный М. Балакиревым, с нотами. Лейпциг: Изд. М. П. Беляева, 1895. 81 с.
- [*Без подписи*] Печать // Возрождение (Париж). 1930. Т. 6, № 2024, 17 дек. С. 3.
- Барсукова Н. А.* Литературно-художественные произведения на страницах альманаха «Вольная Сибирь» (Чехословакия, 1926–1935) // V Юдинские чтения: Материалы науч.-практ. конф. (Красноярск, 9–12 октября 2007 г.). Красноярск: ГУНБ Красноярского края, 2008. С. 148–153.
- Волин М.* Гибель Молодой Чураевки // Новый журнал (Нью-Йорк). 1997. Кн. 209. С. 216–240.
- Вяткин Г. А.* Сибирская студенческая песенка // Сибирский студент (Томск). 1914. № 1. С. 86.
- Ершов П.* <П.> Сибирский казак. Старинная быль // Библиотека для чтения: Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. СПб.: Изд. книгопродавца А. Смирдина, 1835. Т. 8. С. 7–18; Т. 10. С. 11–22.
- Забияко А. А.* Тропа судьбы Алексея Ачаира. Научное издание. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2007. 250 с.
- Забияко А. А.* «Мои это годы, моя это боль и судьба!» // Щеголев Н. А. Победное отчаянье: Собрание сочинений / Сост. А. А. Забияко, В. А. Резвый. М.: Водолей, 2014. С. 238–309.
- Забияко А. А., Крыжанская К. А.* Переписка А. Ачаира и Г. Гребенщикова: идеи «сибирского регионализма» в контексте индивидуальной религиозности харбинского поэта // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2010. Вып. 9. С. 197–219.
- К.* [Рец. на:] «Вольная Сибирь» <VI–VIII> // Возрождение (Париж). 1930. Т. 5, № 1674, 1 янв. С. 5.
- Крузенитерн-Петерец Ю. В.* Чураевский питомник (О дальневосточных поэтах) // Возрождение (Париж). 1968. № 204. С. 45–70.
- Мнухин Л. А.* Марина Цветаева и российские поэты Китая // Россияне в Азии: Литературно-исторический ежегодник (Торонто). 2000. № 7. С. 285–299.

Могиланский Н. [Рец. на:] «Вольная Сибирь». Общественно-литературный и экономический сборник. VI–VII. Прага, 1929 г. Стр. 176. Приложение: «Сибирский архив». II. Стр. 51–102 // *Сегодня* (Рига). 1930. № 20, 20 янв. С. 6.

Перелешин В. Конец Алексея Ачаира // *Новое русское слово* (Нью-Йорк). 1972. Vol. 62, no. 22.825. С. 5.

Росов В. А. «Полно охватить всю Сибирскую Русь»: «Молодая Чураевка» в письмах Георгия Гребенщикова и Алексея Ачаира // *Новый журнал* (Нью-Йорк). 2009. № 256. С. 239–263.

Росов В. А. «Во имя высших идеалов человечества»: письма Алексея Ачаира в музей Рериха в Нью-Йорке (1932–1935) // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах* / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2018а. Вып. 12: Русская эмиграция в Китае: опыт исхода. С. 40–53.

Росов В. А. Алексей Ачаир: «Борис Савинков» (поэма) // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах* / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2018б. Вып. 12: Русская эмиграция в Китае: опыт исхода. С. 72–84.

Росов В. А. Стихи Алексея Ачаира для «Вольной Сибири» // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах* / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2018в. Вып. 12: Русская эмиграция в Китае: опыт исхода. С. 85–96.

Росов В. А. Сибирская идея: от политики к педагогике. Письма Алексея Ачаира к А. В. Сазонову (1922 – 1925) для «Вольной Сибири» // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах* / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2018г. Вып. 12: Русская эмиграция в Китае: опыт исхода. С. 54–63.

Ревзина О. Г. Безмерная Цветаева: Опыт системного описания поэтического идиолекта. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2009. 594 с.

Сборник уральских казачьих песен. Собрал и издал Н. Г. Мякушин. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1890. 289 с.

Фоминцын А. С. Скоморохи на Руси. СПб.: Тип. Э. Арнгольда, 1889. 191 с.

Хроника литературной жизни русского зарубежья: Харбин и Китай (1918–1945) / Сост. О. А. Бузуев // *Литературоведческий журнал*. 2001. № 15. С. 380–409.

Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. А. Саакянц, Л. А. Мнухина. М.: Терра – «Книжная лавка – РТР», 1997. Т. 3, кн. 1: Поэмы; Поэмы-сказки. 352 с.

Штейн Э. А. Поэты русского Китая (Иконография) // *Новый журнал* (Нью-Йорк). 1997. Кн. 206. С. 138–180.

Архивы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Москва

References

Achair. Pervaya: Kniga stikhov [The First: The Book of Poems]. Harbin, Sodruzhestvo poetov “Meditat”, Tipografiya “Slovo”, 1925, 72 p. (in Russ.)

Achair A. Kazaki. In: Vol’naya Sibir’ [Free Siberia]. Ed. by I. A. Yakushev. Praha, Obshchestvo sibiryakov v ChSR [Praha, Spolek Sibiřanů v ČSR], 1929, iss. V, Obshchestvenno-literaturny i ekonomicheskiy sbornik (Veřejný, literární a hospodářský sborník), p. 14–23; iss. VI–VII, Literaturno-obshchestvenny i ekonomicheskiy sbornik (Literární, veřejný a hospodářský sborník), p. 29–39. (in Russ.)

Achair A. Tropy: Stikhi [Paths]. Harbin, Plotnikov, 1939, 62 p. (in Russ.)

- Achair A. A. Stikhotvoreniya [Poems]. In 2 vols. [Comp. by Yu. A. Tarala]. San Francisco, Muzei russkoy kul'tury, 2004, vol. 1, 199 p.; vol. 2, 142 p. (in Russ.)
- Achair A. Mne kto-to beskonechno dorog...: Stikhotvoreniya [Someone is infinitely dear to me...: Poems]. Comp. by Yu. A. Tarala; intr. by E. Taskina. Moscow, Yanus-K, 2009, 428 p. (in Russ.)
- Achair A. Doroga k domu: Stikhotvoreniya, pis'ma, dokumenty [The road to home: Poems, letters, documents]. Comp. and intr. by A. A. Gorshenin, ed. by N. I. Levchenko. Novosibirsk, Novosibirskiy miniaturist, 2013, 332 p. (in Russ.)
- Achair A. A. Boris Savinkov: Poema. Intr. by V. A. Rosov. *Sibirskie ogni* [Siberian Lights], 2013, no. 10, p. 124–132. (in Russ.)
- [Anonymous] Pechat'. *Vozrozhdenie* [The Renaissance] (Paris), 1930, vol. 6, no. 2024, Dec. 17, p. 3. (in Russ.)
- Balakirev M. A. Sbornik russkikh narodnykh pesen [Collection of Russian folk songs], sostavleny M. Balakirevym, s notami. Leipzig, Izdanie M. P. Belyaeva, 1895, 81 p. (in Russ.)
- Barsukova N. A. Literaturno-khudozhestvennye proizvedeniya na stranitsakh al'manakha "Vol'naya Sibir" (Chekhoslovakiya, 1926–1935). In: V Yudinskie chteniya [5th Yudin readings]. Proc. of sci. and pract. conf. (Krasnoyarsk, October 9–12, 2007). Krasnoyarsk, 2008, p. 148–153. (in Russ.)
- Ershov P. Sibirskiy kazak. Starinnaya byl'. In: Biblioteka dlya chteniya [The Library for Reading]. Zhurnal slovesnosti, nauk, khudozhestv, promyshlennosti, novostey i mod. St. Petersburg, Izdanie knigoprodavtsa A. Smirdina, 1835, vol. 8, p. 7–18; vol. 10, p. 11–22. (in Russ.)
- Fomintsyn A. S. Skomorokhi na Rusi [Jesters in Russia]. St. Petersburg, Tipografiya E. Arngolda, 1889, 191 p. (in Russ.)
- K. [Rets. na:] "Vol'naya Sibir" <VI–VIII>. *Vozrozhdenie* [The Renaissance] (Paris), 1930, vol. 5, no. 1674, Jan. 1, p. 5. (in Russ.)
- Khronika literaturnoy zhizni russkogo zarubezh'ya: Harbin i Kitay (1918–1945). Comp. by O. A. Buzuev. *Literaturovedcheskiy zhurnal* [Literary Journal], 2001, no. 15, p. 380–409. (in Russ.)
- Kruzenshtern-Peterets Yu. V. Churaevskiy pitomnik (O dal'nevostochnykh poetakh). *Vozrozhdenie* [The Renaissance] (Paris), 1968, no. 204, p. 45–70. (in Russ.)
- Mnukhin L. A. Marina Tsvetaeva i rossiyskie poety Kitaya. *Rossiyanе v Azii: Literaturno-istoricheskiy ezhegodnik* [Russians in Asia: Literary and Historical Yearbook] (Toronto), 2000, no. 7, p. 285–299. (in Russ.)
- Mogilyansky N. [Rets. na:] "Vol'naya Sibir". Obshchestvenno-literaturny i ekonomicheskiy sbornik. VI–VII. Praga, 1929 g. Str. 176. Prilozhenie: "Sibirskiy arkhiv". II. Str. 51–102. *Segodnya* [Today] (Riga), 1930, no. 20, Jan. 20, p. 6. (in Russ.)
- Pereleshin V. Konets Alekseya Achaira. *Novoe russkoe slovo* [New Russian Word] (New-York), 1972, vol. 62, no. 22.825, p. 5. (in Russ.)
- Revzina O. G. Bezmernaya Tsvetaeva: Opyt sistemnogo opisaniya poeticheskogo idiolekta [Tsvetaeva with no end. An Experience of Systemic Description of Poetic Idiolect]. Moscow, Dom-muzei Mariny Tsvetaevoy, 2009, 594 p. (in Russ.)
- Rosov V. A. "Polno okhvatit' vsyu Sibirskuyu Rus'": "Molodaja Churaevka" v pis'makh Georgiya Grebenshchikova i Alekseya Achaira. *Novy zhurnal* [The New Review] (New York), 2009, no. 256, p. 239–263. (in Russ.)

Rosov V. A. “Vo imya vysshikh idealov chelovechestva”: pis'ma Alekseya Achaira v muzey Rerikha v N'yu-Yorke (1932–1935). In: Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh [Russia and China at the Far Eastern Frontiers]. Eds. A. P. Zabiyaiko, A. A. Zabiyaiko. Blagoveshchensk, AmSU Press, 2018, iss. 12. Russkaya emigratsiya v Kitae: opyt iskhoda, p. 40–53. (in Russ.)

Rosov V. A. Aleksey Achair: “Boris Savinkov” (poema). In: Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh [Russia and China at the Far Eastern Frontiers]. Eds. A. P. Zabiyaiko, A. A. Zabiyaiko. Blagoveshchensk, AmSU Press, 2018, iss. 12. Russkaya emigratsiya v Kitae: opyt iskhoda, p. 72–84. (in Russ.)

Rosov V. A. Sibirskaya ideya: ot politiki k pedagogike. Pis'ma Alekseja Achaira k A. V. Sazonovu (1922–1925) dlya “Vol'noy Sibiri”. In: Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh [Russia and China at the Far Eastern Frontiers]. Eds. A. P. Zabiyaiko, A. A. Zabiyaiko. Blagoveshchensk, AmSU Press, 2018, iss. 12. Russkaya emigratsiya v Kitae: opyt iskhoda, p. 54–63. (in Russ.)

Rosov V. A. Stikhi Alekseya Achaira dlya “Vol'noj Sibiri”. In: Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh [Russia and China at the Far Eastern Frontiers]. Eds. A. P. Zabiyaiko, A. A. Zabiyaiko. Blagoveshchensk, AmSU Press, 2018, iss. 12. Russkaya emigratsiya v Kitae: opyt iskhoda, p. 85–96. (in Russ.)

Sbornik ural'skikh kazach'ikh pesen [Collection of Ural Cossack songs], sobral i izdal N. G. Myakushin. St. Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1890, 289 p. (in Russ.)

Shtein E. A. Poety russkogo Kitaya (Ikonografiya). *Novy zhurnal [The New Review]* (New-York), 1997, vol. 206, p. 138–180. (in Russ.)

Tsvetaeva M. I. Collected Works. In 7 vols. Comp., prep. and comment. by A. A. Saakyants, L. A. Mnukhina. Moscow, Terra – “Knizhnaja lavka – RTR”, 1997, vol. 3, book 1, 352 p. (in Russ.)

Volin M. Gibel' Molodoy Churaevki. *Novy zhurnal [The New Review]* (New York), 1997, vol. 209, p. 216–240. (in Russ.)

Vyatkin G. A. Sibirskaya studencheskaya pesenka. *Sibirskiy student [Siberian student]* (Tomsk), 1914, no. 1, p. 86. (in Russ.)

Zabiyaiko A. A. Tropa sud'by Alekseya Achaira [The path of fate of Alexei Achair]. Blagoveshchensk, AmSU Press, 2007, 250 p. (in Russ.)

Zabiyaiko A. A. “Moi eto gody, moya eto bol' i sud'ba!”. In: Shchegolev N. A. Pobednoe otchayan'e: Sobranie sochineniy [Victory despair: Collected works]. Comp. by A. A. Zabiyaiko, V. A. Rezvy. Moscow, Vodoley, 2014, p. 238–309. (in Russ.)

Zabiyaiko A. A., Kryzhanskaya K. A. Perepiska A. Achaira i G. Grebenshchikova: Idei “sibirskogo regionalizma” v kontekste individual'noy religioznosti kharbinskogo poeta. In: Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh [Russia and China on the Far Eastern Frontiers]. Blagoveshchensk, AmSU Press, 2010, iss. 9, p. 197–219. (in Russ.)

Archives

Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archives of the Russian Federation] (GARF), Moscow

Сведения об авторах

Лоцилов Игорь Евгеньевич – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия), доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

loshch@yandex.ru

ORCID 0000-0003-3642-2590

Полторацкий Иван Сергеевич – ассистент кафедры истории и теории литературы Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

ipoltora@gmail.com

Information about the Authors

Igor E. Loshchilov – Candidate of Philology, PhD, Researcher of Literary Studies Section of the Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Associate Professor of the Department of Russian Literature and Literary Theory of Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

loshch@yandex.ru

ORCID 0000-0003-3642-2590

Ivan S. Poltoratsky – Assistant of the Department of History and Theory of Literature, Institute of Humanities, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

ipoltora@gmail.com